

ВСТУПЛЕНИЕ

Воспоминания российского и французского генерала Луи-Виктора-Леона (Леонтия Петровича) де Рошешуара (1788–1858), охватывающие период с конца XVIII в. до 1834 г., почти неизвестны отечественному читателю. Впервые они были изданы на французском языке в 1889 г. в Париже (*Rochechouart L.-V.-L. Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration. Paris, 1889*). Русский перевод был осуществлен и опубликован под редакцией А. Ф. Гретман (Кейзер) лишь в 1914 г. (М., издательство «Сфинкс»). Началась Первая мировая война, а затем грянула русская революция. В силу этих причин воспоминания не успели войти в историографический оборот и фактически оказались невостребованными дореволюционными историками, а затем оставались практически неизвестными и советским исследователям.

Рошешуар принадлежал к одной из самых родовитых и древних аристократических семей Франции, он родился в семье полковника королевской французской армии, а его мать входила в ближний круг королевы Марии-Антуанетты. Сам он прожил насыщенную бурными событиями жизнь: в детстве стал свидетелем Французской революции, а затем оказался в эмиграции (жил в Швейцарии, Германии, Голландии, Великобритании, Португалии); служил в полку французских эмигрантов-роялистов в армии Португалии, в качестве офицера российской армии был участником Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., воевал с горцами на Черноморском побережье, сражался с наполеоновскими войсками в 1812–1814 гг., стал русским военным комендантом Парижа. После Реставрации перешел на службу во французскую королевскую армию и занимал там важные посты.

Воспоминания были написаны автором уже на склоне жизни, около 1857 г. (за год до кончины). Насколько можно судить, основой мемуаров послужили дневниковые записи. Автор сообщает, что из-за революционных потрясений он практически не знал своих родителей (встречался с ними урывками), а в дальнейшем нашел

покровителя и «второго отца» в лице своего родственника герцога А. Э. Ришелье. Рошешуар стал его адъютантом и в качестве мемуариста поставил себе цель познакомить читателей с частной и государственной деятельностью этого человека, сыгравшего важную роль в истории России и Франции.

В целом воспоминания Рошешуара позволяют по-новому взглянуть на события наполеоновской эпохи, а также скорректировать многие версии русской истории, понять психологию и поведение большого числа французских эмигрантов во время наполеоновских войн.

Текст воспроизводится по последнему изданию 1914 г. В связи с неточностями перевода были исправлены многие географические названия, уточнены фамилии, названия воинских частей и воинских званий.

В. М. Безотосный, доктор исторических наук

ПРЕДИСЛОВИЕ

Родился я в 1788 г., следовательно, накануне великой революции, и, как жертва революционной бури, с нежного детства терпел холод и голод, — одним словом, все лишения нищеты. Осиротев очень рано, без состояния, без поддержки, я нашел себе приют в доме герцога Ришелье¹, а в герцоге покровителя, облегчившего мне первые шаги военной карьеры, второго отца, относившегося ко мне с нежной, отеческой любовью. Сердце мое до последней минуты останется преисполненным к нему чувством глубокой благодарности; что и побуждает меня к изданию своих воспоминаний. Мне хочется познакомить свет с частной жизнью этого великого государственного человека, его добротой, простотой, благотворительностью, правдивостью, неуклонным исполнением долга, любовью к отечеству.

Почти все города Франции воздвигли памятники более или менее знаменитым людям, но никто не вспомнил о министре, руководившем делами с 1815 по 1819 г., освободившем страну от занимавших ее иностранных войск, восстановившем кредит Франции настолько, что в 1818 г., после Ахенского конгресса, рента, ничего не стоившая в 1816 г., поднялась до 75 франков, наконец, предоставившем бедным больным ассигновку, назначенную им Палатой. Ни один историк, прельщенный этой светлой личностью, не написал его истории. Я начну с описания его частной жизни, в надежде, что со временем более авторитетное перо сообщит о его заслугах перед родиной.

Итак, я прослежу за герцогом Ришелье с 1805 г., времени моего прибытия в Одессу, до мая 1822 г., года его смерти. Я расскажу об основании им Одессы, о походах его на черкесов, о смотрах и посещениях колоний, рассеянных по трем губерниям обширного Новороссийского генерал-губернаторства, и, наконец, о двух его мини-

¹ Эммануил Осипович Ришелье (Арман-Эммануэль-София-Септимани де Виньеро дю Плесси) (1766–1822), герцог, граф де Шинон, российский и французский государственный деятель, генерал-лейтенант российской службы. В 1805–1814 гг. — генерал-губернатор Новороссии, в 1815–1820 гг. — первый министр Франции.

стерствах во время Реставрации. Я, можно сказать, никогда с ним не расставался, управлял его домом; мне, как секретарю, родственнику, другу, он поверял самые сокровенные свои мысли; никто, кроме разве духовника, не знал его так близко, как я.

Разлученный с ним с конца 1812 г. до половины 1814 г., я, несмотря на важные события и затруднительность сообщения, поддерживал с ним правильную переписку, на каждом шагу дававшую доказательства его доброты и патриотизма. В течение этих полутора лет я состоял при особе императора Александра в качестве флигель-адъютанта и был очевидцем всех событий, от переправы через Березину до вступления союзных войск в Париж. Находясь при Главном штабе, т. е. у сосредоточия всех донесений и известий, почтенный доверием Его Императорского Величества, получая от него поручения значительной важности, я, может быть, сообщу некоторые неизвестные или малоизвестные подробности, объясняющие многие факты, и тем внесу свою скромную лепту в историю достопамятных кампаний, саксонской и французской.

Но, повторяю еще раз, издавая свои воспоминания, я желаю, прежде всего, воздать должное заслугам герцога Ришелье, выразить сыновнюю преданность его памяти, излить чувство благодарности, наполняющее мое сердце, научить детей своих чтить имя моего благодетеля; заставить своих соотечественников пожалеть о забвении, какому они предали человека, так их любившего и оказавшего им столько услуг.

Мне следовало бы, таким образом, начать свой рассказ со своего прибытия в Одессу и закончить его 1822 г. — годом смерти герцога Ришелье, но мне показалось интересным поделиться воспоминаниями о жестоких испытаниях моего детства и завершить рассказом о своем пребывании в Гааге и поручениях, возложенных на меня в 1833 и 1834 гг. герцогиней Беррийской¹. Я добавил также некоторые подробности, знакомящие с последствиями изложенных событий или касающиеся смерти лиц, упомянутых в моих записках.

¹ Мария Каролина Неаполитанская (Бурбон-Сицилийская), герцогиня Беррийская (1798–1870), супруга французского принца Шарля Фердинанда Беррийского (1778–1820).

Двенадцати лет от роду я решил писать не мемуары, но записывать все, что со мной случилось. Продолжая такой дневник событий, меня касавшихся, по мере того, как предо мной разворачивалась драма жизни, я незаметно написал эту книгу своих воспоминаний.

Разнообразные перипетии молодости забрасывали меня в разные страны, приводили в сношения с высокопоставленными особами, сделали очевидцем важных событий. Приключения, пережитые ребенком, произвели на меня столь сильное впечатление, что явилось желание их записать; позднее я продолжал свои записки, чтобы поведать миру о доблестях своего благодетеля.

Переписывая набело различные заметки своего дневника, я сохранил первоначальный слог, каким передавал постепенный ход событий, исправив только наиболее крупные ошибки, выпустив высокопарные фразы, прерывавшие последовательность событий. Но разве возможно, скажут мне, в двенадцать лет писать сносным образом? Какие размышления может заносить на бумагу ребенок в таком возрасте? Как может он иметь какое-нибудь суждение о самом простом житейском событии? Вот мой ответ: «Ничто так не содействует зрелости, как несчастье, если только оно не ожесточает». Бедствия, подобно физическим страданиям, оставляют следы, глубоко западающие в память; в этой школе многому научешься из книг. Рано предоставленный самому себе, вынужденный позаботиться о своем существовании, я приучился размышлять в том возрасте, когда другие играют в мяч и бегают взапуски.

У меня имеются автографы всех писем, приведенных в моем труде, за исключением писем к аббату Николю¹, сообщенных мне этим достойным священником в 1828 г. и найденных мною в «Жизни аббата Николя», аббата Фраппа.

Генерал граф де Рошешуар.

Жумийак, декабрь 1857 г.

¹ Аббат Шарль Доминик Николь (1758–1835), французский педагог, иезуит, долгое время работавший в России. Его пансион в Санкт-Петербурге на рубеже XVIII и XIX вв. считался самым престижным средним учебным заведением. В 1812 г. аббат основал в Одессе Ришельевский лицей.

ГЛАВА I

1788–1801 гг.

Мои первые годы. — Пребывание в Каннах, Фрибуре, Лондоне, Альтоне. — Путешествие из Гамбурга в Лиссабон. — Поступление на военную службу.

Луи-Пьер-Жюль-Сезар де Рошешуар¹, полковник пехотного полка д'Арманьяка женился в 1775 г. на Елизавете-Армиде Дюрэ-де-Морсан². От этого брака родились:

- 1) Виктор — в 1776 г., умер в Порт-о-Пренсе в 1802 г.;
- 2) Филипп — в 1779 г., умер в 1791 г.;
- 3) Людовик³ — в 1782 г., убит при Бриенне в 1814 г.;
- 4) Корнелия — в 1784 г., умерла в 1794 г.;
- 5) Людовик-Виктор-Леон — 14 сентября 1788 г.

В качестве младшего сына мне предстояло поступить или в монастырь, или во флот. Кардинал де Рошешуар, епископ Ланский⁴ и мой двоюродный дед, епископ Байёе⁵, умерший несколько лет тому назад, проложили для меня путь к достижению духовных почестей. Во флоте у меня также были все шансы на быстрое

¹ Граф Луи-Пьер-Жюль-Сезар де Рошешуар (1755–1801).

² Элизабет-Франсуаза Армид де Морсан, в замужестве графиня де Рошешуар (1757–1805).

³ Здесь и далее сохранена устаревшая форма имени: Людовик. Правильнее: Луи.

⁴ Жан-Франсуа-Жозеф де Рошешуар де Фодуа (1708–1777), французский кардинал и епископ Лаона (1741–1777).

⁵ Речь шла об епископе Байе Пьере-Жюле-Сезаре де Рошешуаре (1698–1781).

повышение, благодаря двум моим кузенам, блиставшим на этом поприще. Виконт де Рошешуар, кавалер Св. Духа и командир эскадры¹, отличился при осаде Гибралтара в 1782 г., прорвав своим 74-пушечным кораблем «Величественный» строй английского флота; виконт де Мортемар приобрел блестящую репутацию славы и доблести в битве, данной де Грассом²: 12 апреля 1782 г. он вывел из-под огня трех английских кораблей свой корабль «Славный», совершенно лишенный способности управляться. Картина, изображающая этот подвиг, находится в Париже в Морском министерстве. Но события сулили мне иную карьеру.

Отданный на воспитание к славной фермерше в Сен-Жермен, я оставался у нее до 1794 г., следовательно, в родительский дом вернулся только на шестом году от роду.

Моя мать, приятельница герцогини де Полиньяк³, принадлежала к числу приближенных лиц, собиравшихся в Малом Трианоне вокруг королевы Марии-Антуанетты⁴, отдохавшей там от официальных придворных приемов. Таким образом, она имела случай вполне оценить обаятельность государыни; и понятно, как глубоко она была потрясена видом своей королевы, измученной, обесцеленной, осужденной на смерть на эшафоте. Она решила сделать все возможное, чтобы спасти ее от такого позора. Соединив свои усилия со стараниями барона Батца⁵, она внесла крупную часть суммы,

¹ Звание в дореволюционном французском военном флоте, впоследствии замененное на контр-адмирал.

² Франсуа-Жозеф-Поль де Грасс (1722–1788), знаменитый французский адмирал, успешно действовавший против английского флота. 12 апреля 1782 г. Грасс с 33 кораблями был внезапно атакован превосходящими силами англичан (37 кораблей) близ острова Сан-Доминика. Во время жестокого боя Грасс с 3 кораблями, окруженный 18 английскими кораблями, держался 10 часов, но вынужден был сдаться.

³ Иоланда-Мартин-Габриэль де Поластрон, в браке — герцогиня де Полиньяк (1749–1793), ближайшая подруга королевы Франции Марии-Антуанетты.

⁴ Мария-Антуанетта Австрийская (урожденная Мария Антония Йозефа Иоганна Габсбург-Лотарингская) (1755–1793), королева Франции с 1774 г., супруга короля Франции Людовика XVI.

⁵ Жан де Бац (1760–1822), политик и финансист, противник революции, предпринял несколько попыток спасти короля и его семью.

необходимой для приобретения сообщников. «*Moniteur universel*» от 18 жерминаля год III, — 7 апреля 1795 г. — № 175, следующим образом сообщает о предполагавшемся заговоре: «Существовал замысел похитить королеву; заговор был составлен бывшей графиней де Рошешуар и знаменитым Эбером¹, называемым “отцом Дюшеном”. Заговорщики подкупили Эбера, запросившего два миллиона; он уже получил миллион, а второй ему был обещан по выполнении замысла, но он испугался и выдал злоумышленников».

Для подкупа стражи и для предупреждения злосчастных узников необходимо было большое благоразумие, соединенное с необыкновенной энергией. Мать моя обладала только последним качеством; она слепо ринулась в это предприятие, не взвесив шансов на успех, не рассчитав опасностей.

На первых же порах королева объявила, что если дети ее не будут освобождены одновременно с ней, она предпочтет покориться своей суровой участи. Попытка не удалась, начались розыски виновных и имена их были вскоре открыты; мать моя значилась в списке одной из первых. Вместе с тем узнали, что аббат Эджворт², сопровождавший и напутствовавший короля до самого эшафота, покинул Париж и под именем Эссекса скрывался у моего отца в замке Монтиньи, близ Питивье. Сейчас же был отдан приказ о задержании бывшей графини де Рошешуар, обвиненной в заговоре и т. д. Мать моя проживала в Пасси с братом моим Людовиком, сестрой Корнелией и мной. Почти каждый день по делам она уезжала в Париж. Отец находился в Монтиньи, а брат Виктор в армии принца Конде³.

¹ Жак-Рене Эбер (1757–1794), французский журналист и революционный деятель крайне левого толка, якобинец, лидер эбертистов. Основатель газеты «Папаша Дюшен».

² Генри Эссекс Эджворт (1745–1807), также известный как аббат Эджворт де Фирмон, ирландский католический священник и духовник короля Людовика XVI.

³ Среди эмигрантских воинских формирований, созданных после Французской революции, армия Конде (или корпус Конде) являлась долгожительницей, просуществовав в общей сложности около десяти лет. Она была организована в 1791 и именовалась по имени командующего. Принц Луи-Жозеф де Бурбон де Конде являлся

Приказ о задержании матери был отдан так быстро и тайно, что никто не мог предупредить ее об угрожающей ей опасности. Муниципалитет Пасси явился в дом матери в сопровождении жандармов, которые должны были охранять выходы и препроводить аристократку в тюрьму. После тщательных розысков, убедившись в ее отсутствии, он конфисковал бумаги, кружева, бриллианты, серебро... Все эти предметы должны были служить уликами в обвинительном акте, однако обвинители присвоили их, не составляя никакой описи, и поделили между собой. Факт этот был мне впоследствии подтвержден официально. Достойные граждане, смущенные отсутствием бывшей дворянки, вступили в спор; один из них предложил захватить хотя бы детей, но от этой мысли отказались, дети не значились в приказе о задержании. Привратники и слуги были подвергнуты продолжительному допросу, и было решено дожидаться часа, когда подозреваемая вернется к обеду, т. е. между двумя и тремя часами пополудни. Жандармы спрятались в доме, чтобы не возбудить подозрений бывшей дворянки.

Брат Людовик, на которого не обращали внимания, все слышал и понял; он пробрался в сад, влез на стену, спрыгнул в безлюдный переулок и бросился бежать к заставе. Там увидел он мать, возвращавшуюся пешком, и рассказал ей о случившемся. Благодаря смысленности и преданности сына, мать спаслась от неминуемой смерти: вместо того, чтобы идти в Пасси, она вернулась в Париж, захватив с собой Людовика, и поселилась в гостинице Гранж-Бательер, скрываясь под именем гражданки Дюрэ. Через несколько дней она прислала за мной доверенное лицо.

Мать моя, опасаясь, что каждую минуту ее убежище может быть открыто, переехала в Канны с моим братом и со мной, оставив дочь в пансионе в Пасси. Позднее сестра должна была отправиться к бабушке, Франсуазе д'Альбиньяк, графине де Морсан¹, проживавшей в Вилькрене, близ Гробуа.

видным представителем династии Бурбонов, был праправнуком «Великого Конде», знаменитого французского полководца XVII в. и кузеном Людовика XVI.

¹ Анн-Женевьева-Франсуаза д'Альбиньяк де Кастельно, в 1746 г. вышла замуж за Жозефа Дюре де Морсана (1717–1795).

Сейчас я расскажу о несчастной судьбе моей бедняжки сестры Корнелии. Содержательница пансиона показалась подозрительной, она была арестована, предана суду, гильотинирована, а ученицы выгнаны на улицу. Представьте себе смущение бедной девушки, знавшей, что мать далеко, а отец в поместье за тридцать лье! Найти приют она могла только у бабушки, но ей лишь смутно было известно ее местожительство. Без денег, замирая от ужаса при сознании полного своего одиночества, она помнила только, что дорога к бабушке вела через Шарантонскую заставу или Grande-Pinte (Гранд-Пинт)¹. Дрожа всем телом, отправилась она поэтому на противоположный конец города, едва решаясь спросить о дороге, чтобы не привлекать к себе внимания. Пробродив два дня, то по Парижу, то по его окрестностям, она упала от изнеможения и истощения в придорожную канаву. Там ее подобрала состоятельная дама и, поразившись ее одеждой изысканной, но пришедшей в беспорядок, и красотой, поблекшей от страданий, постаралась вернуть к жизни, а затем, по ее указаниям, передала в руки г-жи де Морсан, так как дело происходило близ Вилькрена. Несмотря на все принятые меры, бедная сестра скончалась через два дня в объятиях бабушки; ужас, голод, усталость изнурили и подорвали ее силы. Ей было десять лет!

Вернемся к нашему путешествию: по прибытии в Канны мы остановились у некоего Дюссоссэ, державшего банное заведение и меблированные комнаты. Я никогда не забуду его имени, потому что здесь начались мои бедствия.

Вскоре мать узнала, благодаря ниспосланной Провидением случайности (письму, громко прочитанному на улице, когда она проходила), что убежище ее открыто, и гражданин Помм, народный представитель, ожидается из Парижа с приказом об ее задержании. Предупреждение было слишком важно, чтобы им пренебречь; мать решила немедленно уехать; ее швейцарский паспорт был в полном порядке, но необходимо было ни в ком не возбудить подозрения. Аббат де Ла Жеар, также скрывавшийся в Каннах, посоветовал ей

¹ Вероятно, кабачок возле заставы д'Антен.

отправиться пешком и так путешествовать несколько дней. Брат лежал в постели больной, а я, шестилетний мальчуган не мог долго идти пешком. Таким образом, ей пришлось нас оставить, так сказать, на волю Божию.

Мать предупредила г-на Дюссоссэ, что предполагает посетить знакомых, проживавших неподалеку, попросила его заботиться о нас во время ее отсутствия и уплатила за месяц вперед за полный наш пансион. Затем, отведя нас в сторону, дала совет никому не открывать своего имени и всем отвечать, что нас зовут Дюрэ, по ее девичьей фамилии. В пять часов утра она с нами рассталась, проливая горькие слезы; через два часа явился гражданин Помм, чтобы ее арестовать. Он подверг нас продолжительному допросу и приказал жандарму сторожить нас день и ночь, рассчитывая, что мать вернется за нами. Через неделю присутствие жандарма при двух детях показалось излишним, и он был отозван.

Тогда г-жа Дюссоссэ завладела нами и нашим бельем, отпустила служанку и возложила на нас ее обязанности, заставляя прислуживать бравшим ванны, греть и подавать им белье, качать воду для наполнения резервуара в большой котел, — одним словом обратила нас в простых банщиков. Но это было еще ничто в сравнении со страданиями, предстоявшими нам в суровую зиму 1794/1795 г.

В октябре месяце, сдав нашу комнату, г-жа Дюссоссэ перевела нас на чердак. Крыша была в плохом состоянии, дождь, а позднее снег, попадал на нашу постель; хозяйка утверждала, что так как мы спим вдвоем на одной кровати, то свежий воздух для нас очень полезен. Почтенная женщина оставила нам три рубашки на двоих. «Это немного, — говорила она, — но достаточно для таких мальчиков». Затем она распределила наш день в следующем порядке: вставание в полдень, таким образом, вопрос о завтраке отпадал сам собой. Ровно в час обед: жиденький суп с кусочком оставшейся вареной говядины и большим количеством бобов с добавлением ячменного хлеба и густого сидра, который нельзя было пить. В шесть часов ложились спать: новый и простой способ обходиться без ужина! Наша еда была упрощена до последней степени. И так мы провели четыре долгих месяца.

Здание национальных бань было прекрасно расположено для банного заведения; оно помещалось в прежнем городском рву и было с трех сторон окружено водой. Когда начал таять снег, вода быстро поднялась до высоты первого этажа; г-жа Дюссоссэ благоразумно переселилась к знакомым в центр города, а нас, вместе с работником, оставила стеречь заведение. Мы спрятались у себя на чердаке, все пути сообщения были отрезаны; на третий день у нас не хватило хлеба; к счастью, в кладовой оставалось много яблок и в продолжение шести дней они составляли единственную нашу пищу; зато как велика была радость ступить ногой на твердую землю и поесть чего-нибудь горячего! Весной опять появилось большое количество желавших брать ванны, и насос потребовал наших рук.

Не видя никакого выхода из такого положения, брат решил написать отцу, находившемуся, как он предполагал, в Монтиньи. Нам не было известно, эмигрировал ли он; письмо было отправлено тайком, и мы возложили все свое упование на Бога, обычное прибежище всех несчастных.

В длинные зимние ночи брат, которому было двенадцать лет, и который обладал довольно большими знаниями для своего возраста, учил меня тому, что сам знал из истории Франции, священной истории, римской истории, географии, грамматики и арифметики. По вечерам я отвечал ему урок. За каждую забывчивость мне полагался щелчок по носу, и, только ответив урок без ошибок, я получал разрешение спать. Благодаря такому способу, я делал быстрые успехи.

Потеряв терпение, мы подумывали о том, как бы спастись из этого дома мучений, и уже в наших юных головах созрел великолепный план бегства, когда брат услышал однажды, что какая-то дама спрашивает: гг. де Рошешуар! Она оказалась женой дворецкого отца. Трудно передать словами нашу радость, нужно самому побывать в подобном положении, чтобы оценить значение такой полной перемены! Г-жа Дэнжан, — так звали нашу избавительницу, — рассказала нам, что отец, узнав о наших бедствиях из письма брата, выхлопотал паспорт для нас и для особы, получившей поручение доставить нас к нему. Девять месяцев мы провели у г-жи Дюссоссэ и теперь горели нетерпением избавиться от ее ужасного надзора.

Старая мегера имела дерзость потребовать стоимость пансиона по соглашению с матерью, как будто нас кормила и давала нам помещение соответственно такой плате. Г-жа Дэнжан уладила дело к обоюдному удовольствию, уплатив хозяйке половину требуемой суммы. Конечно, и этого было чересчур много, но не следовало забывать, что кров ее послужил приютом для нас, покинутых; что случилось бы с нами, если бы она нас выгнала вон? Эта мысль заставила нас расстаться с прежней хозяйкой без озлобления с нашей стороны. Мы даже обязаны были ей благодарностью за то, что она не вышвырнула безжалостно сыновей эмигрантки.

По прибытии в Париж, г-жа Дэнжан отвезла нас к бабушке в Вилькрен, и та рассказала нам о печальной участи сестры. Г-жа де Морсан ничего не знала о нашей судьбе. Повесть о пережитых нами страданиях напомнила ей столь печальную и жестокую смерть Корнелии; она выразила настойчивое желание, чтобы один из нас остался с ней. Остался брат, а я отправился в Монтиньи с г-жой Дэнжан. Мое пребывание в этом замке произвело на меня непередаваемое впечатление. Местность я находил восхитительной, стол превосходным и радовался жизни после стольких унижений и лишений. Двоюродный дед, епископ Байе, провел свои последние годы в Монтиньи, обожаемый жителями селения. В воспоминание его щедрот и добродетелей отец никогда не чувствовал беспокойства, даже в самый разгар революционной бури; население встало бы на его защиту в случае доноса.

Четыре месяца спустя меня оторвало от такой тихой и спокойной жизни письмо матери. Она извещала о своем возвращении во Францию и просила отца прислать меня к ней как можно скорее, что и было сделано к моему великому сожалению. Отец согласился на разлуку со мной только потому, что на мое место заступил брат Виктор, покинувший армию Конде и вернувшийся во Францию, не ожидая, пока имя его будет вычеркнуто из списков эмигрантов.

Мать не могла долго оставаться на одном месте; она возвращалась из Англии и предполагала ехать в Швейцарию но, по ее словам, у нее накопилось так много дел, что она нас отправила вперед. Она дала брату Людовику деньги, необходимые для такого длинного

путешествия, объяснила, каким путем добраться до Фрибура, где проживали две наши тетки, скрывавшиеся от террора, и повторила свое обещание в скором времени к нам присоединиться. Брат мой, которому минуло всего тринадцать лет, был сильно смущен возложенным на него поручением и не знаю как бы с ним справился, если бы Господь не пришел к нам на помощь, послав нам во Франш-Конте встречу со швейцарцем, возвращавшимся в Невшатель. Он сжалился над детьми, путешествовавшими одними, и согласился принять нас на половинных издержках в свою карету. Дело было в конце января, время далеко не благоприятное для путешествия в горах; кроме того перевозка пушек, происходившая несмотря на дождь, а главное то обстоятельство, что на состояние дорог тогда не обращалось внимания, сделало их непроезжими, изрытыми колеями и рытвинами. Наш спутник ехал в прелестной, но очень легкой берлине, купленной, чтобы служить образцом для каретников его родины; но оказалось, что она не в состоянии была выдержать такой дороги и, опрокинувшись три раза, она прибыла на место назначения, но в совершенно неприглядном виде.

В Невшателе мы нашли оказию до Берна. Мать снабдила нас письмом к г. Эрлаху, одному из своих друзей, проживавшему в этом городе и просила его позаботиться о нас и доставить нас в Фрибур, где нас ожидали тетки, г-жи де Бесс и де Рошешуар, дочери нашего двоюродного деда. Мы приехали туда вечером, когда в их салоне собрались несколько друзей. Нас, прибывших из Франции, засыпали вопросами, на которые по своей молодости мы не были в состоянии отвечать. Нужно самому быть эмигрантом, чтобы понять, какое значение придавали каждому известию наши бедные соотечественники, престарелые, немощные, лишенные возможности служить в армии принца Конде.

Мать обещала присоединиться к нам в самом скором времени: однако проходили недели, а мы даже не получали от нее писем. Непредвиденное событие однажды повергло нас в страшно затруднительное положение: три месяца мы уже прожили в Фрибуре и занимались у французского священника, по просьбе теток взявшего на себя заботу о нашем образовании, как однажды утром

к нам явилась депутация от эмиграционной комиссии с официальным приказом покинуть в двадцать четыре часа Фрибурский кантон под странным предлогом, будто мы привезли из Франции подозрительные бумаги и зловерные взгляды. Господа эти, однако, прибавили, что нам будет дозволено дальнейшее пребывание в кантоне, если найдется почтенный гражданин, согласившийся поручиться за нас; без этого — никаких отговорок и отсрочек. Не представлялось возможности спорить с людьми, изгонявшими нас под подобным предлогом. На семейном совете тщетно изыскивали средства избежать такого внезапного отъезда, не зная, куда нас отправить, так как никому не было известно местопребывание нашей матери. Часы протекали быстро, и мы уже начинали терять надежду, когда достойный человек, старейший член совета, главный священник Фрибура, тронутый нашим положением, вывел нас из ужасного затруднения, в каком мы находились, успокоил, свел в ратушу и за нас поручился.

Утром в ризнице коллегиальной церкви он слышал разговор о невероятном решении, принятом относительно нас. У нас не хватало слов, чтобы выразить достойному пастырю насколько мы тронуты таким поступком истинно христианского милосердия, но сердца наши были преисполнены чувства глубокой признательности.

Г-н Аллуа, председатель эмиграционной комиссии, человек грубый и черствый, сказал достопочтенному аббату Сейду: «Раз вы желаете поручиться за этих маленьких бродяжек, вам придется их взять к себе, чтобы следить за их нравственностью». «Если все дело только в этом, — отвечал достойный пастырь, — я исполню это с удовольствием».

Мы вышли от него, чтобы сообщить теткам о бесповоротном решении Аллуа. Г. Сейду назначил за нас обоих плату в пятьдесят луидоров в год, объявив, что за эту сумму он принимает на себя все расходы на нас вплоть до одежды. И в тот же день мы переселились к нему. Его экономка, старая дева, француженка, осыпала нас ласками и вниманием и за все время нашего пребывания у аббата относилась к нам как заботливая мать. Таким образом, покинутые на произвол судьбы, мы вторично нашли приют, но на этот раз и приветливое отношение. Фрибурский магистрат употреблял все

усилия, чтобы придрататься к маленьким невинным изгнанникам, нашедшим здесь приют, и не видел надвигавшейся революционной бури, перевернувшей вверх дном всю страну.

Каждый день мы открывали в своем воспитателе и его старой приятельнице какую-нибудь новую добродетель. Случай не замедлил обнаружить всю глубину их доброты. Не прожив еще и двух месяцев у аббата, в одно прекрасное утро мы узнали, что тетки уехали из Фрибура и возвращаются во Францию, и при этом ни о чем не предупредив нас, не сообщив ничего матери и не оставив ни гроша денег. Мать моя прислала им тридцать луидоров вскоре после нашего приезда; сумма эта уже несколько дней как была истрачена, и не имея больше возможности быть нам полезными, они сочли уместным не огорчать нас вместе со своим отъездом, сообщением, что более не в состоянии платить за наше содержание. Это новое событие только удвоило заботливость о нас достойного пастора; он деятельно занялся нашим образованием духовным и светским, сильно запущенным благодаря всем этим происшествиям. Несмотря на мой юный возраст, — мне было всего девять лет, — он счел возможным допустить меня до первого причастия, настолько я развился и сделался рассудительным благодаря бедствиям. Он намеревался поместить нас в старинную коллегию иезуитов, принимавшую только приходящих; но чтобы поступить туда, необходимо было обладать известными знаниями, поэтому он приставил к нам весьма образованного молодого священника, чтобы частными уроками подготовить нас к предстоящим экзаменам.

Не стану хвастаться своими успехами в Фрибурской коллегии: брат мой там, однако, отличался, я же сильно отстал в сравнении с товарищами, подготовленными гораздо лучше меня.

Г-жа де Бесс сообщила нам по своем возвращении во Францию, что мать наша находится в Англии, прислала ее адрес и советовала ей написать, что мы исполнили немедленно, но безрезультатно, так как ответа не получили. Революция в Швейцарии еще усилила затруднительность нашего положения.

В моем возрасте трудно от меня ожидать объяснения в описании швейцарской революции; я ограничусь только упоминанием,

что 15 марта 1798 г. генерал Брюн¹ вступил в Швейцарию с двумя французскими дивизиями; он принес свободу стране, бесспорно, не страдавшей под «иглом феодализма», как говорилось тогда.

Началась кровопролитная борьба, крестьяне не желали принимать благодеяний, принесенных французскими войсками. Эти важные события побудили нашу мать вызвать нас к себе. Вернувшись во Францию, она потребовала, чтобы мы немедленно выехали в Париж. К письму она приложила вексель в две тысячи франков на банкирский дом в Базеле; сумма эта казалась ей достаточной, чтобы уплатить за наше содержание и хватило на путевые расходы. Она упустила из виду, что мы прожили около двух лет у аббата в Фрибуре, тетки уплатили только за первую треть, и таким образом, мы должны были около двух тысяч франков, — всю наличность векселя, без учета. Добрый священник взял себе только тысячу двести франков, предоставив остальное нам на путевые издержки и необходимые покупки, в полной уверенности, что наша мать не замедлит рассчитаться с ним.

Мы оставались еще недели две по собственному желанию у достопочтенного аббата. Он и его экономка m-lle Кодрэ питали к нам необыкновенную привязанность, любили нас, как собственных детей. Наконец, мы вырвались из их объятий и простились с ними навеки. С грустью на сердце мы покинули Фрибур в первых числах мая 1798 г., прожив там два года и четыре месяца, и, минуя Берн и Базель, прибыли через шесть дней в Париж без всяких приключений.

Обрадовавшись, видя нас здоровыми и возмужавшими, мать не могла удержаться от смеха над нашими манерами и одеждой, прическа каждого из нас представляла собой стриженные под гребенку вихры и громадную ненапудренную косу; одежда состояла из подобия длиннополого фрака из полушерстяной и полубумажной материи с желтыми, зелеными и белыми полосками, напоминавшего по покрою щеголей 1793 г., из черной шелковой жилетки, коротких брюк серого сукна, пестрых нитяных чулок и башмаков

¹ Гийом-Мари-Анн Брюн (1763–1815), в 1798 г. — дивизионный генерал, с 1804 г. — маршал Франции.

с громадными медными пряжками; в довершение этого элегантно костюма мы имели вид глубоких провинциалов. Поэтому раньше, чем нас кому-либо показать, мать послала за портным и парикмахером, чтобы избавить нас от костюма по праздничному разодетых провинциалов.

Мать наша затеяла с английским правительством политическую интригу, навлекшую на нас впоследствии величайшие несчастья. Ввиду необходимого отъезда в Лондон, она с трудом достала себе паспорт в Антверпен. Мы покинули Париж в тот день, когда туда пришло известие о взятии без боя Мальты генералом Бонапартом, которому эта позиция была необходима для экспедиции в Египет. Из Антверпена мы проехали в Роттердам; шведский бриг отходил в Лондон, он захватил нас с собой и высадил в Дувре после шести дней плавания в ужаснейшую погоду. В Лондон мы прибыли 5 июля.

В Лондоне мы провели семь месяцев, за это время я научился довольно сносно говорить по-английски. Мать брала нас в гости к жившим в окрестностях знакомым: в Ричмонд к графине Штаремберг, жене австрийского посланника, с которой была вместе в монастыре; в Стайнс, в Виндзор, где в прелестном коттедже, принадлежавшем герцогу д'Аркуру¹, проживала в уединении герцогиня де Мортемар со своими детьми. Вот с каких пор началась наша дружба с Казимиром де Мортемаром²; почти однолетки, мы спали вместе во время нашего пребывания в этом прелестном жилище.

Виктюрньен-Жан-Батист де Рошешуар, герцог де Мортемар³, родившийся в 1752 г., женился в 1772 г. на Габриель д'Аркур, имел от

¹ Франсуа-Анри д'Аркур (1726–1802), герцог, маркиз де Бёврон, граф де Лилльбон, французский государственный деятель, пэр Франции. После 1790 г. эмигрировал в Англию, где с 1792 г. являлся послом Людовика XVIII в Великобритании.

² Казимир-Луи-Виктюрньен де Рошешуар, принц Тонне-Шарант, герцог де Мортемар (1787–1875), французский генерал и дипломат. С семьей в 1791 г. эмигрировал в Англию, во Францию вернулся в 1801 г. Служил в армии, был ординарцем Наполеона, участник Русского похода 1812 г. После Реставрации дослужился до генеральских чинов. В 1828–1830 гг. — посол Франции в России.

³ Виктюрньен-Жан-Батист-Мари де Рошешуар (1752–1812), герцог де Мортемар, принц Тонне-Шарант, пэр Франции. После революции эмигрировал

нее трех дочерей, замужем за герцогом де Круа¹, принцем де Бово² и герцогом де Крюссолем³. Овдовев, женился вторым браком в 1782 г. на Полине де Коссе-Бриссак⁴, подарившей ему Казимира, родившегося в 1786 г., и трех дочерей: маркизу де Форбэн-Жансон⁵, герцогиню де Бовилье⁶ и герцогиню де Ноай⁷.

Постараюсь объяснить причину нашего пребывания в Лондоне. Когда мы уехали в Швейцарию, матери, вместо того чтобы присоединиться к нам, пришлось совершить путешествие в Англию; ее дела во Франции в это время процветали, у нее было много друзей. Ее спросили, может ли она при своем положении быть полезной королю; мать моя, по своим крайним роялистическим убеждениям и склонности к политическим интригам, заявила, что она горит преданностью и готова действовать. На аудиенции у герцога Портлендского⁸, бывшего тогда министром иностранных дел, она потребовала прежде всего: 1) письмо графа д'Артуа⁹, в котором он выразил бы одобрение всему, что она предпримет во Франции: брат

в Англию. Командовал французскими формированиями роялистов на британском содержании в Португалии до 1802 г.

¹ Анн-Викторньен-Генриетта де Рошешуар-Мортемар (1773–1806) вышла замуж за герцога Огюста де Круа (1765–1822).

² Марк-Этьен-Габриэль принц де Бово-Краон (1773–1849), граф империи, камергер императора Наполеона, был женат на Натали-Генриетте-Викторньене де Рошешуар-Мортемар (1774–1854).

³ Катрин-Виктуар-Викторньен де Рошешуар-Мортемар (1776–1809) вышла замуж за герцога Адриана де Крюссолья (1778–1837), пэра Франции.

⁴ Аделоида-Полина Косо-Бриссак (1765–1818), вторая жена Викторньена-Жана-Батиста-Мари де Рошешуара.

⁵ Антония-Луиза-Викторньен де Рошешуар-Мортемар (1792–1848) вышла замуж за маркиза Шарля де Форбен-Жансона (Форбен-Янсона) (1783–1849), камергера императора Наполеона.

⁶ Эмма-Викторньен-Натали де Рошешуар-Мортемар вышла замуж за герцога Раймона-Франсуа Бовилье, герцога Сент-Эньян (1790–1811).

⁷ Алисия-Ельфрида-Викторньен де Рошешуар-Мортемар (1800–1887) вышла замуж в 1823 г. за герцога Поля де Ноайля (1802–1885), пэра Франции, историка.

⁸ Уильям Кавендиш-Бентинк, 3-й герцог Портлендский (1738–1809), премьер-министр Великобритании в 1783 и 1807–1809 гг.

⁹ Артуа Шарль Филипп де Бурбон (1757–1836), граф д', король Франции Карл X (1824–1830), брат королей Людовика XVI и Людовика XVIII. После 1789 г. находился в эмиграции.

короля, облеченный королем Людовиком XVIII титулом генерального наместника королевства, находившимся тогда в России, обладал всеми полномочиями для ведения переговоров; 2) формального заявления английского правительства, устанавливающего, что все переговоры будут происходить от имени короля Франции. Снабженная этими двумя важными документами и кредитивом на тысячу фунтов стерлингов на г. Попа, богатого банкира в Гамбурге¹, мать моя вернулась во Францию.

Сейчас же по прибытии в Париж она принялась за дело и, казалось, удачно исполнила взятое на себя поручение, все подробности которого не были мне известны по причине моей молодости. Знаю только, что необходимо было склонить некоторых лиц на сторону короля. Чтобы добиться окончательного успеха, истратив все наличные деньги, имевшиеся в ее распоряжении, мать моя прибегла к кредитиву. К ее великому изумлению, после переговоров, тянувшихся месяц, кредитив был ей возвращен обратно: «В фирме Поп не имелось фондов на имя получателя». Она преодолела это затруднение при помощи своих друзей и, истратив последние свои средства, написала в Англию, спрашивая объяснения такому нарушению слова и извещая при этом о полном успехе.

В ожидании ответа на свое письмо, она вызвала нас из Швейцарии, намереваясь увезти в Англию, где предполагала поселиться до тех пор, пока явится возможность вернуться во Францию вместе с королем.

Ответ, которого мать каждый день ждала из Лондона, не приходил, тогда она решила лично отправиться за ним и отдать отчет в своем поручении. По прибытии в Лондон она попросила аудиенции у герцога Портлендского, поручившего принять ее своему первому секретарю г. Викгаму². Г. Викгам предупредил ее, что английское правительство, изменив мнение, не желало более вмешиваться

¹ Возможно, имелся в виду банкирский дом «Гоппе и К^о».

² Уильям Викгам (1761–1840), чиновник английского правительства, в 1799 г. британский представитель при войсках союзников.

в этот вопрос, и добавил: «Вы должны быть готовы к тому, что в скором времени получите приказ покинуть Соединенное Королевство; вы можете вернуться во Францию, где, по-видимому, ваши дела обстоят так блестяще».

Мать после отъезда из Кана познакомилась в Швейцарии с Викгамом, тогда представителем английского правительства в Швейцарской Республике и, как простая эмигрантка, позволила себе несколько острот по адресу дипломата. Глубоко оскорбленный в своем самолюбии, тот навеки возненавидел ее. Когда мать приняла описанное мною выше поручение, Викгам, по-видимому, не был в том осведомлен и узнал о нем только из первых писем матери. Завидуя успеху, готовому увенчать ее старания, мстительный человек решил ее погубить. Он убедил герцога Портлендского, что его обманывают, что мать действует заодно с князем Талейраном¹, чтобы ввести в заблуждение роялистов. Вследствие такой клеветы Попу была послана отмена кредитива.

Матери эти подробности сделались известны не скоро, и она приняла роковое решение сделать общество судьей происшедшего недоразумения. Гораздо благоразумнее было бы покориться и пожертвовать тридцатью тысячами франков, ею истраченными. Ей был объявлен приказ покинуть Англию, она притворилась больной, поставила себе пиявки на грудь и получила отсрочку сначала на один месяц, затем на второй. Находясь эти два месяца под бдительным надзором, она ничего не могла предпринять для своего оправдания. Наконец, ей был предоставлен выбор: или уехать на свой счет в Гамбург, или быть отправленной в Ярмут на казенный счет вместе с ссылаемыми преступниками. Она решила уехать в Гамбург.

Мы покинули Лондон в декабре 1798 г., высадились в Куксхафене, прожили там до марта 1799 г., затем перебрались в Альтону. Мать предпочла этот спокойный городок Гамбургу, в это время переполнен-

¹ Талейран Шарль-Морис (1754–1838), князь Беневентский (1806), французский дипломат и государственный деятель. В 1792–1796 гг. находился в эмиграции, в 1797–1799 гг. — министр иностранных дел Франции.

ному французскими эмигрантами, проживавшими кто в довольстве, кто в нищете. Она не покидала своих замыслов отмщения, составила меморий против английского правительства, истратила большие деньги за его напечатание и щедро заплатила капитану пакетбота, взявшемуся доставить экземпляры брошюры в книжную торговлю оппозиции в Лондоне. Подобные шаги и расходы истощили наши средства, и нам пришлось работать, чтобы снискать себе пропитание.

Мать прекрасно рисовала; она составляла рисунки для вееров, мешочков для рукоделия, называвшихся «ридикюлями», и шкатулок разных размеров; брат мой и я занимались склеиванием и поделками из картона, кроме того мы плели соломенные дамские шляпы. На мне в качестве младшего, лежала обязанность разносить все изделия нашей мастерской по самым бойким магазинам новинок Альтоны и Гамбурга. Чтобы расхваливать свой товар, я научился немецкому языку. Часто мне приходилось встречать грубый отказ от честных немцев, старавшихся, конечно, купить подешевле предлагаемые мною вещи; я не уступал до последней возможности, зная цену своего товара, по времени и труду, затраченных на его изготовление. Однажды мне ничего не удалось нигде продать, и я принес обратно все, что взял с собой; у нас не оставалось больше ни гроша, мясники и булочники не верили в долг эмигрантам. Чтобы обмануть голод, пришлось идти гулять и дожидаться вечернего приема у маркизы де Булье; там каждый вечер подавался ужин. В этот день общество было поражено нашим аппетитом, проявленным также и бедной матерью.

Такая жизнь наводила на раздумье: тяжелая вещь бедность! Мужество и покорность матери были удивительны: представьте себе одну из очаровательнейших придворных дам, обладавшую большим состоянием — за ней было дано в приданое миллион, деньги громадные по тому времени — одаренную всеми качествами, составляющими прелесть общества, остроумную, сразу, без всякого перехода очутившейся в положении близком к нищенству, почти без надежды на исход! Однако она ни на минуту не упала духом под гнетом бедствий; нравственные силы ее поддерживали физические. После испытаний дня, вечером она появлялась в обществе и блистала всегдашним умом и живостью.

Мы познакомились с принцем Людвигом Прусским¹, сыном Фердинанда², брата Фридриха Великого³; он шутил, говоря о герцоге Йоркском⁴ и намекая на его неудачи в Голландии: «Мой Йоркский кузен похож на барабан: он шумит, только когда его бьют». Он пригласил нас провести несколько дней в своем замке, близ Бремена, где оказал нам весьма любезный прием и устроил бал в честь матери. Принц Прусский часто навещал нас в нашем скромном жилище, привлекаемый живой и остроумной беседой бедной эмигрантки. Он предложил принять меня кадетом в свой полк, расквартированный в Гамбурге, ручаясь за быстрое повышение. Мне было одиннадцать лет, мать никоим образом не соглашалась, чтобы я так рано начал свою военную карьеру.

Во время работы мать приводила нас в восхищение разнообразными рассказами о придворных событиях, знакомя нас таким образом со всеми интригами, известными ей; беспрестанно говорила о нашем роде, об обязанностях, налагаемых славным именем, прививала нам любовь к хорошим манерам и хорошему обществу.

Однажды, не помню по какому случаю, зашла речь о токайском вине, собственности императора австрийского, как короля венгерского. Мать рассказала нам, каким странным образом ей были подарены пятьдесят бутылок этого вина: «Император Иосиф⁵ прибыл во Францию, чтобы отдать визит сестре, королеве Марии-Антуанетте; он путешествовал под именем графа Фалькенштейна». «В это

¹ Людвиг (Фридрих Людвиг Христиан) Гогенцоллерн (1772–1806), принц Прусский, генерал-лейтенант, сын Фердинанда Гогенцоллерна.

² Август Фердинанд Прусский (1730–1813), принц, прусский генерал от инфантерии, младший брат короля Фридриха II.

³ Фридрих II, или Фридрих Великий (1712–1786), король Пруссии с 1740 г., известный полководец.

⁴ Фредерик Август, герцог Йоркский и Олбани (1763–1827), второй сын английского короля Георга III, фельдмаршал британской армии. В 1799 г. крайне неудачно командовал объединенными силами англо-российских войск в Голландии.

⁵ Иосиф II (1741–1790), император Священной Римской империи германской нации с 1765 г.

время, — говорила мать, — мне надо было побывать у барона Бретейля¹, министра двора его величества. Ваш отец, находившийся в армии по ту сторону Рейна, ходатайствовал о повышении и написал мне, прося ускорить дело, так как того же повышения добивалось и другое лицо. Зная, что министр встает очень рано, я решила явиться к нему в шесть часов утра. Чтобы исполнить свой план, я осталась накануне в Версале ночевать у приятельницы, проживавшей во дворце. День оказался мною выбранным неудачно; министр работал с главными подручными — так назывались начальники отделений. — Я решила дожидаться их ухода, и швейцар, знавший меня, указал мне комнату, где можно было переждать, не обращая на себя особенного внимания. Два часа мне пришлось высидеть в этом прелестном кабинете, и чтобы не заснуть, я разглядывала живопись панелей. Живопись эта, художественно исполненная, изображала любовные похождения мифологических богов — тему довольно легкомысленную. Сильно углубившись в созерцание, я не слышала, как отворилась позади меня дверь; я услышала только голос, шептавший мне на ухо, да почувствовала, что меня обнимают за талию. — “Очевидно вы занимаетесь изучением телосложения?..” В смущении я обернулась и увидела императора Франца Иосифа². Сейчас же ко мне вернулось все самообладание, и я отвечала: — “Нет, граф, но вам бы советовала заняться изучением вежливости” и убежала.

Император справился у швейцара о моей фамилии и написал мне на следующий день очень любезную записку. Граф Фалькенштейн умолял позволить ему заняться изучением вежливости у меня и просил назначить день, когда бы я могла пригласить его к ужину. Я отвечала, что, одетая в мантию и шапочку профессора, готова принять его хоть завтра, чтобы подвергнуть первому испытанию в присутствии нескольких близких своих друзей. Действительно, я пригласила человек пять или шесть, в том числе принца

¹ Луи-Огюст Лё Тоннелье, барон де Бретейль, барон де Прёйи (1730–1807), французский государственный деятель, министр короля Людовика XVI.

² Так в оригинале. Правильно Иосиф II.

Макса Цвайбрюкенского¹. Верный своему слову, высокопоставленный гость явился в назначенный час; поцеловал мне руку со словами: — “Прошу вдвойне меня простить”. Относительно первой провинности он имел деликатность промолчать: “вторая же”, сказал он, “заключается в ужасной привычке, приобретенной в Германии, пить только один сорт вина”. Поэтому он взял на себя смелость прислать ящик, его метрдотель докладывая, что ужин подан, предупредил меня шепотом, что швейцару передана корзина, содержащая пятьдесят бутылок токайского вина. Ужин прошел чрезвычайно весело, без всякого этикета, все уважали инкогнито высокого гостя».

Другой раз она передавала нам разговор между герцогом Орлеанским² и герцогиней де Брион³. «Дело было вечером после прогулки в Лоншан, где, как известно, происходила выставка самых блестящих выездов и изысканных туалетов. Королева расспрашивала кузена о женщинах, каких он там видел. Он отвечал: — “Ваше величество, их было два сорта: цветущие и отцветшие”. Герцогиня де Брион, уже не молодая и бывшая в этот день в Лоншане, приняла последней эпитет на свой счет. Она ненавидела герцога Орлеанского так же сильно, как он не любил ее и раздраженная подобной неучтивостью, возразила: — “По-видимому, монсеньор лучше разбирается в приметах, чем в сигналах”, — намекая на Уэсанскую битву⁴, где, говорят, герцог Орлеанский приказал своему кораблю “Святой Дух” не отвечать на сигналы графа

¹ Максимилиан I Иосиф (1756–1825), представитель династии Виттельсбахов, в 1795 г. унаследовал Цвайбрюкен, курфюрст Баварии с 1799 г., король Баварии с 1806 г.

² Луи-Филипп-Жозеф, герцог Орлеанский (1747–1793), принц крови, представитель младшей ветви дома Бурбонов, лидер либерально настроенной части аристократии. Во время Революции отказался от титула и взял фамилию Эгалите (Равенство).

³ Луиза-Жюли-Констанс (урожденная де Роган-Рошфор), графиня де Брион (1734–1815).

⁴ Уэсанское морское сражение 27 июля 1778 г. между английским и французским флотами, в котором герцог Орлеанский находился в качестве младшего флагмана на 80-пушечном корабле «Святой Дух» (*Sent-Esprit*).

Орвиллье¹, адмирала, командовавшего французским флотом. После замечания герцогини королева встала, чтобы проследовать в парадные апартаменты; герцог Орлеанский последовал за ней; но, дойдя до двери, он приостановился, чтобы оказать любезность герцогине де Брион, и пропустил ее вперед, прибавив насмешливо: — “проходит красота!” Герцогиня, не смутившись, с глубоким реверансом отвечала: — “как ваша слава, монсеньор”». Я мог бы написать целую книгу таких воспоминаний; но я этим ограничиваюсь, желая только дать понятие о рассказах матери в часы работы. Мы узнали двор Людовика XV и Людовика XVI, как будто сами жили в Версале.

Почти каждый вечер в салонах домов, где происходили приемы, мы встречались с графом Гентским, весьма любимым за свое остроумие и находчивость. Однажды он объявил мне, что уезжает в Испанию, к брату, командиру Бурбонского полка². Я его стал просить взять меня с собой, уверенный, что брат его охотно примет меня кадетом в свой полк. Я чувствовал, что являюсь тяжелым бременем для матери и надеялся, что без меня ей будет легче устроиться. Граф Гентский согласился взять меня с собой, но сознался, что сам сильно нуждается в деньгах, поэтому не может принять на себя заботу обо мне, если я не достану на свое путешествие, по крайней мере, двадцати пяти луидоров. Я сообщил о своих переговорах матери. Необходимость одержала верх над нежностью; мать одобрила мое намерение. Г. де Септейль, бывший старший камер-лакей его величества, одолжил тридцать луидоров; я взял двадцать из них, сказав герцогу Гентскому, что не мог достать больше. Остальные десять должны были дать возможность матери и брату дожидаться благоприятного случая, чтобы выйти из теперешнего бедственного положения.

Я отправился в путь 1 августа 1800 г. Минута отъезда была очень тяжела, разлука с матерью и братом глубоко огорчала меня. Когда-то предстоит нам свидеться? Я испытывал сильную ребяче-

¹ Луи-Гиллуэ д’Орвиллье (1710–1792), граф, французский адмирал, командовавший в 1778 г. эскадрой в морском бою против английского флота у о. Уэсан.

² Бурбонский полк был сформирован в армии Испании после 1796 г. маркизом К. А. де Рувруа де Сен-Симоном из остатков эмигрантских военных формирований на основе Легиона графа Панетье.

скую радость при мысли сделаться самостоятельным и выбраться из прискорбного состояния, в каком мы находились, но я не подумал о минуте разлуки. Если бы в последнее мгновение непредвиденный случай помешал моему отъезду, я был бы в восторге; но после стольких приложенных стараний, я не решался отказаться.

Так как я говорил по-немецки, мой спутник попросил меня изыскать способ переезда; довольно быстро я нашел гамбургскую шхуну, отплывавшую в Бильбао. Капитан согласился взять за наш проезд и стол по восьми луидоров с каждого, это было не дорого. Герцог меня очень хвалил.

Мертвый штиль в продолжение пяти дней, затем ужасная буря у берегов Голландии, — вот каково было начало нашего путешествия. Наконец, после двадцативосьмидневного бедственного плавания, мы потерпели крупные аварии: открылась течь, мачты поломались, паруса порвались, руль снесло. Находясь на волосок от гибели, мы встретили английского прибрежного лоцмана; он доставил нас в Веймутскую гавань, на острове Портленде. Избавив нас от смерти, он потребовал за свой милосердный поступок восемьдесят гиней (две тысячи франков)!

Хотя и весьма далеко от Испании, мы были очень рады почувствовать себя на суше и в хорошей гостинице. Через неделю после крушения капитан нам объявил, что не может пуститься в плаванье раньше, чем через три месяца, когда успеет починить повреждения, нанесенные судну.

Такое известие нас чрезвычайно раздосадовало. Прошло две недели, а мы все еще не придумали никакого исхода. Наконец граф решил отправиться в Фальмут, оттуда отплыть в Португалию и затем уже перебраться в Испанию. Это было самое благоразумное решение, но, чтобы привести его в исполнение, возникло небольшое затруднение: у нас не было денег. За исключением нескольких золотых и серебряных монет у нас оставались только векселя на Бильбао, но их нельзя было дисконтировать, так как Испания вела войну с Англией. Я понял, но слишком поздно, что избрал себе непригодного ментора. Неспособный мною руководить, он еще вовлек нас в величайшие затруднения. Три недели, проведенные в гостинице,

и остальные довольно безнравственные траты графа заставили нас наделать долгов почти на пятьдесят фунтов стерлингов. Каким образом их уплатить? Мой спутник написал графу д'Артуа, проживавшему, как ему было известно, в Лондоне. В качестве бывшего камер-юнкера принца он обращался к его щедротам. С обратным курьером его высочество прислал пятьдесят фунтов — все, что был в состоянии сделать. Но помощь эта уже оказалась недостаточной; общая сложность наших долгов превышала эту сумму. По-прежнему мы оставались в сильном смущении без всякой надежды на благополучный исход, когда случайно я услышал о французском священнике, проживавшем поблизости у лорда, католика, в качестве воспитателя его детей. Я предложил графу посетить его, хотя бы для того, чтобы с ним посоветоваться; но он отказался сопровождать меня. Я один отправился в замок, где проживал аббат Дерби. Едва услышав мое имя, он воскликнул: «Я сделаю все, что в моих силах, чтобы прийти к вам на помощь, потому что одному из ваших родственников, герцогу де Мортемар, я обязан своим теперешним приятным положением».

Я в кратких словах описал ему наше затрудненное положение и попросил его сопутствовать мне, чтобы поделиться с графом своими советами. Он тотчас же пришел. Достойный человек предложил графу сорок гиней, без которых мог, по его словам, обойтись и умолял принять их с тем, чтобы граф уплатил свой долг, когда у него будут деньги. Граф, удивленный столь великодушным поступком, не стал отказываться, не выразив ни единым словом своей благодарности; я краснел за его странное отношение к любезности доброго священника. На его месте я не затруднился бы достойным образом отблагодарить его за оказанную бескорыстную услугу. Весьма сомневаюсь, чтобы граф когда-нибудь уплатил эти сорок гиней.

Вручив деньги, аббат Дерби удалился, повторяя, что очень счастлив быть полезным родственнику своего благодетеля. Второй раз Провидение посылало человека, выведившего меня из затруднительного положения; первый раз то был добрый фрибурский аббат.

Мы поспешили уплатить долги и взяли себе два места в дилижансе, отправлявшемся в Фальмут, но в Эксетере у нас опять не оказалось денег, даже нечем было заплатить за ужин. До тех пор граф скрывал от меня наше бедственное положение и в особенности причину его, проистекавшую из его легкомысленного поведения; он сознался мне, что перед отъездом из Веймута ему пришлось уплатить известную сумму двум девицам весьма невысокой нравственности. Граф ни слова не говорил по-английски и чувствовал, что без моей помощи ему не выпутаться из новой беды. Ужин мы съели, за него надо было заплатить, я попросил кондуктора дилижанса одолжить нам четыре гиней под залог золотых часов моего спутника; последний настолько растерялся, что с радостью отдал часы; я объяснил кондуктору, что мы плохо рассчитали свои путевые издержки. Часы с цепочкой, печатями, брелоками стоили по крайней мере тринадцать гиней; кондуктор взял их без всяких разговоров, и мы могли продолжать свой путь.

Прибыв в Фальмут, я не понимал, каким образом граф рассчитывает устроиться дальше; теперь я знал, что он легкомыслен, быстро теряется, и у него нет ни гроша. Он объяснил мне, что надеется уговорить капитана пакетбота, который доставит нас в Лиссабон, получить плату за проезд по нашему прибытии на место назначения; а там нам будет уже легко уладить свои дела с Бильбао. Такой исход мне показался возможным; мы вместе отправились в корабельное агентство, где наше предложение было принято очень плохо; «плата за проезд взимается при отправлении», отвечали нам.

Мне указали банкира, который, может быть, согласится принять наш чек. Граф потерял последнюю остававшуюся у него бодрость духа, заперся у себя в комнате в гостинице и предался отчаянью.

Более юный, избалованный Провидением, всегда посылавшим мне избавление, в положении, казавшемся безысходном, я приказал подать себе чаю в столовую. Завтракая, я увидел знакомое лицо, но никак не мог припомнить ни кто это, ни где мы встречались; путешественник этот, тоже заметивший меня, спросил по-английски: «Вы иностранец?» — «Да» — отвечал я по-французски. «Будем гово-

рить по-французски», — воскликнул он и стал меня расспрашивать, куда я еду и откуда. Я отвечал на его вопросы и назвал свою фамилию. Он сообщил мне, что часто видался с моей матерью в Альтоне, у леди Крейвен¹; я также назвал своего спутника по путешествию: «Да это мой близкий друг! Проводите меня к нему, дайте его расцеловать!» Едва он появился в дверях комнаты, как граф воскликнул: «Ах, дорогой Гриффитс!» Я отлично запомнил его имя.

Затем граф рассказал ему наши приключения, конечно, умолчав о некоторых подробностях, относившихся к нему лично, ограничившись описанием нашего путешествия в Португалию и затруднения, нами теперь испытываемого. «Успокойтесь, — отвечал г. Гриффитс, — я также отправляюсь в Лиссабон с женой и дочерью, мною взята большая каюта на корабле, отплывающем в этот город; места хватит для вас обоих, а я очень рад оказать вам маленькую услугу». Он предоставил свой кошелек в распоряжение своего друга; граф занял сумму необходимую, чтобы выкупить часы и расплатиться по счету в гостинице по день отъезда. Через неделю, при попутном ветре, мы отплыли на большом трехмачтовом гамбургском корабле. Устроились мы прекрасно, общество семейства Гриффитс скрасило долгое плаванье, длившееся, благодаря противным ветрам, двадцать четыре дня.

Я поспешил расстаться с графом, опасаясь как бы снова благодаря ему не попасть в безвыходное положение, и решил поступить на военную службу. Представлялся удобный случай: в Лиссабоне находились три полка французских эмигрантов, сохранивших белую кокарду, хотя и состоявших на жалованье Англии, одним из них командовал герцог де Мортемар².

Через два дня по прибытии я посетил маркиза де Мортемара, подполковника³. Я был ему представлен матерью в Альтоне, куда он заезжал мимоездом, покинув армию Конде и направляясь в Пор-

¹ Элизабет Крейвен (1750–1828), урожденная графиня Беркли, затем графиня Крейвен, затем маркграфиня Бранденбург-Ансбахская, английская писательница и композитор.

² Номинальным командиром этого полка являлся Виктюрньен де Рошешуар герцог де Мортемар. Полк насчитывал 1000 человек.

³ Казимир де Мортемар являлся подполковником этого полка.

тугалию. Он принял меня прекрасно, зачислив пока в роту стрелков-дворян. В восторге, я в тот же день поместился в казарме Валь-Прейро.

Итак, я поступил на военную службу двенадцати лет и трех месяцев отроду. Тяжелое испытание! Как легко было погибнуть без руководителя, вдали от отца с матерью, среди чужестранцев или дальних родственников, начальствующих лиц, разъединенных со мной моим положением простого солдата! Ночь 20 декабря 1800 г. была первой, проведенной мной в казармах.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление.	5
Предисловие	7
Глава I. 1788–1801 гг.	10
<i>Мои первые годы. — Пребывание в Каннах, Фрибуре, Лондоне, Альтоне. — Путешествие из Гамбурга в Лиссабон. — Поступление на военную службу</i>	
Глава II. 1801–1806 гг.	36
<i>Первые шаги на военной службе. — Производство в су-лейтенанты. — Амьенский мир. — Роспуск полка Мортемара. — Пребывание в Париже. — Путешествие в Одессу через Милан, Венецию, Вену, Лемберг. — Прибытие в Одессу. — Смерть матери. — Путешествие в Константинополь. — Поступление на службу России</i>	
Глава III. 1806–1812 гг.	66
<i>Бессарабская кампания. — Путешествие в Яссы. — Взятие Анапы. — Поход в Черкесию. — Производство в поручики. — Объезд колонии и смотр войскам Новороссии. — Путешествие в Санкт-Петербург. — Поход брата Людовика в Черкесию. — Болезнь герцога Ришелье. — Производство в поручики русской императорской гвардии. — Пожалование флигель-адъютантом императора Александра I. — Путешествие 2-жи Нарышкиной в Одессу и в Крым. — Взятие Суджук-Кале. — Поход в Черкесию. — Нашествие на Россию. — Чума в Одессе. — Поведение герцога Ришелье</i>	
Глава IV. 1812–1814 гг.	163
<i>Организация армий Волынской и Белорусской. — Марши и контрмарши. — Взятие Минска. — Переправа через Березину. — Поход на Вильну. — Три месяца в Санкт-Петербурге. — Возвращение</i>	

в штаб-квартиру. — Наступление. — Битва при Лютцене. — Плейсвицкое перемирие. — Битва под Дрезденом. — Отступление в Богемию. — Битва при Кульме. — Поручение к Бернадоту. — Битва при Лейпциге. — Производство в полковники. — Наступление. — Поручение в Дармитадт. — Переправа через Рейн в Базеле. — Смерть брата Людовика. — Образование кружка роялистов. — Письма к королю и герцогу Беррийскому. — Письма и шаги брата короля. — Разлад конгресса в Шатийоне на Сене. — Битва при Арси-сюр-Об. — Битва при Фер-Шампенуазе. — Битва под стенами Парижа. — Сдача Парижа. — Назначение комендантом Парижа. — Вступление в Париж союзных войск. — Многочисленные затруднения. — Постановка службы. — Въезд в Париж брата короля. — Въезд короля. — Я покидаю русскую службу

Глава V. 1814–1823 гг. 314

Производство в генерал-майоры Франции. — Производство в лейтенанты «черных мушкетеров». — Высадка Наполеона в заливе Жуан. — Король покидает Париж. — Мы присоединяемся к нему в Генте. — Назначение начальником штаба военного министра. — Переписка с герцогом Ришелье. — Битва при Ватерлоо. — Возвращение короля во Францию и в Париж. — Министерство Талейрана и Фуше. — Министерство Ришелье. — Переписка относительно этого события. — Назначение комендантом Парижа. — Генерал Домениль в Венсене. — Мое посещение. — Процесс и казнь маршала Нея. — Организация службы. — Освобождение территории. — Определение вознаграждения союзников. — Ахенский конгресс. — Отставка герцога Ришелье. — Переписка во время его путешествия. — Убийство герцога Беррийского. — Второе министерство Ришелье. — Удаление герцога Ришелье. — Моя женитьба. — Смерть герцога Ришелье. — Герцог де Беллюн устраняет меня от должности парижского коменданта. — Вынужденное удаление от дел.

Глава VI. 1823–1834 гг. 430

Испанский поход. — Разорение Уварара. — Алжирская экспедиция. — Увольнение в отставку. — Отъезд в Эдинбург. — Поручения в Гаагу и Санкт-Петербург. — Возвращение во Францию.

Примечание издателя 457

Приложение. 458

Именной указатель 460